

Алёна Бессонова

ПАТ КОРОЛЕВЕ

Детектив

*Отсутствие
доказательств не
является
доказательством
отсутствия
преступления.*

**Из жизненного
опыта автора**

*Пат — положение в
шахматной партии, при
котором сторона,
имеющая право хода, не
может им
воспользоваться.*

*Автор просит
читателя не искать
сходства с
произошедшими в городе
«С» событиями и
людьми. Все, что
описано в книге, —
фантазия автора.*

Глава 1

В этот сентябрьский вечер ветер был особенно холоден и зол. Он пытался ворваться внутрь дома, колотился в стёкла окон, силился их разбить. Но стёкла сопротивлялись, упрямо дребезжали, и от бессилия ветер выл, как проигравший битву израненный кот.

Сидящий у камина в кресле-груше человек вытянул к огню озябшие на холодном полу ноги и замер в глубоком раздумье. На его ладони, развёрнутой и безвольно лежащей на мягких складках кресла, покоилось серебряное кольцо. Это было не простое кольцо, а церковное — с внутренней гравировкой «Господи, спаси и сохрани». Электронные часы над камином показали одиннадцать часов тридцать пять минут. Человек взглянул на неоновые цифры и будто, выкинутый из бесформенного кресла разжавшейся пружиной, легко встал. Положил кольцо на каминную полку. Повернул его гравировкой к себе. Ещё раз прочитал треснутым от долгого молчания и пересохшего горла голосом: «Господи, спаси и сохрани». Решительно развернулся и поспешил к выходу. Его спортивный костюм с капюшоном подразумевал, что сейчас, как и всегда, он вышел на ночную

пробежку. Только путь его лежал в сторону, обратную привычному маршруту. Он бежал по узкой тропинке, ведущей к Монахову пруду — уединённому месту, где вопреки протестам жителей был возведён единственный по всей округности водоёма огромный дом, похожий на замок. Добежав до строения, величаво вскинувшего витиеватые башни, человек отдышался. Потоптался на месте. Прислушался. Нажал кнопку звонка в домофоне. Ждать пришлось недолго. Железная коробочка спросила недовольным заспанным голосом:

— Кто?

— Извините, господин подполковник, фельдъегерская служба — правительственный курьер. Вам пакет, — голос человека за калиткой дребезжал, как отпустившая стрелу тетива.

Домофон жалобно пискнул и отключился. Через короткое время послышалось шарканье ног, тянувших за собой тапки. Подполковник посмотрел в глазок и, в недоумении вскинув вверх пучкастые брови, открыл калитку, удивлённо спросил:

— Ты? Шуткуешь? Зачем ты...

Человек по другую сторону калитки отступил на шаг назад. Неторопливо вынул из-за спины пистолет. Вскинул руку на уровень плеча и почти в упор выстрелил хозяину в лоб. Не обращая внимания на распластанное тело подполковника, осмотрел пистолет, поворачивая его в руке из

стороны в сторону и, потеряв к нему интерес небрежно бросил оружие в заросшую почти отцветшими кустами роз клумбу. Ещё недолго постоял, взглядываясь в черное нутро сада и прислушиваясь. Неторопливо закрыл калитку. Дождался щелчка защёлки и потрусил восвояси...

* * *

В большой, уныло обставленной комнате, помеченной табличкой с правой стороны двери как служебный кабинет майора юстиции старшего следователя Исайчева Михаила Юрьевича, а с левой стороны — как кабинет капитана юстиции следователя Васенко Романа Валерьевича, беседовали друг с другом двое вышеозначенных мужчин. Один из них, а именно Михаил Исайчев, только что вернулся с совещания и с тоскливым лицом поливал кактус, прозябающий в тесной, покрытой облупленной краской, кадке. Михаил ковырнул грифелем карандаша трещину в покрытии, и краска тотчас осыпалась, обнажая полусгнившую древесину. Исайчев задумчиво посмотрел в окно. Увидел, как тополь трепет на ветру ветви с пыльными листьями, и озабоченно спросил:

— Как тебе нравится наше новое пристанище, Роман Валерьевич?

— Мне? Не нравится. Но я знаю, что здесь мы временно. Через полгода, ну, может быть, через год, отремонтируют правое крыло Комитета, и переедем в свежие отдельные кабинеты с золотыми табличками. А вот это все... — Роман Васенко обвёл взглядом два письменных стола, два зелёных сейфовых ящика, тумбочку бабушкиной модели с допотопным, ещё советских времён телефоном — это все канет в Лету... Не грустите, товарищ майор, и на нашей улице перевернётся КамАЗ с пряниками... Давайте выставим в коридор кактус, он колючий и разводит здесь меланхолию.

— А давай! — приободрился Михаил, — взяли...

Мужчины, крикнув, приподняли кадку и, покраснев лицами, опустили её со скамеечки на пол:

— Зря я его полил, балбес. Пупки развяжутся тащить... Давай волоком.

Следователи уперлись в кадку ладонями и с возгласом «Где наша не пропадала!» вытащили упирающийся кактус вон из кабинета. Едва они поставили растение в холле ближе к окну, как в конце примыкающего коридора раздался возмущенный крик. Крик издавала бегущая и размахивающая тряпкой Агриппина Петровна — уборщица, которую боялся даже сам шеф. «Шефом» сотрудники называли руководителя

городского следственного отдела регионального СУ СКР¹ полковника юстиции Корячка Владимира Львовича.

Михаил с Романом юркнули в кабинет и заперли замок на два оборота ключа:

— Ты думаешь, тетя Агаша не преодолееет этот рубеж? — Роман закрыл лицо ладонями и, вздрагивая от смеха, зашептал: — закрой ещё на оборот. Пусть стучится. Нас нет!

— Нет! Мы есть. Но мы работаем... Действительно, пора. Ты в курсе, что нас объединили в группу по «особо важному»? — спросил Михаил Исайчев, переходя на деловой тон.

— Судя по первому впечатлению, получили мы с тобой в разработку чистый «глухарь»! — Роман извлек из кармана сложенный вчетверо листок бумаги. — Я поутрянке там был, мёд-пиво пил и вот какие улики обнаружил, — Васенко развернул лист и показал его сослуживцу. Лист с обеих сторон был пуст. — Ничегошеньки, за что можно зацепиться, не нашёл.

С обратной стороны двери поскреблись. Голос тёти Агаши ласково замурлыкал:

— Откройте, ребятки. Бить не буду. Сама

---

¹ Следственное управление Следственного комитета Российской Федерации.

хотела попросить вас вынести эту колючку. Только вы её не туда поставили, ее надо на три метра левее...

— Мы вам не верим! — хихикнул Васенко, — хотя ладно, закончим серьёзное дело и переставим... Сейчас некогда...

— Вы его на Маланьину свадьбу закончите, окаянные, — тяжело вздохнула за дверью тётя Агаша. — Смотрите, ироды, если не переставите — тряпкой отхожу...

Когда за дверью раздался звук удаляющихся шагов с характерным пристукиванием шваброй об пол и скрипом ручки оцинкованного ведра, Михаил заметил:

— Знаешь, Роман Валерьевич, в данном случае она, может быть, права про Маланьину свадьбу. Получили мы с тобой не просто обычный «глухарь», а «глухарь» особый и важный. Ты на совещании не был, а я был и видел, как шевелил бровями шеф.

— Я, на минуточку, в это время работу работал на месте преступления, — язвительно заметил Роман.

— Тебе повезло, — Михаил указательным пальцем поправил дужку очков, — по мне лучше бегать, потеть, чем протирать в кабинетах начальников любимые джинсы. Так вот, шеф...

Полковник Корячок действительно вследствие

особой важности события отдал распоряжение: двум лучшим сыщикам своего управления объединиться в группу и заняться раскрытием убийства подполковника Сперанского. Старшим Корячок назначил Михаила Исайчева. Убитый подполковник в городе был личностью небезызвестной. Свою порцию узнаваемости он получил не за добрые дела, а в результате скандальной истории, связанной с постройкой усадьбы на любимом месте отдыха горожан — на искусственном водоёме, прозванном населением Монаховым прудом. По легенде, ходившей из уст в уста, пруд был вырыт монахами мужского монастыря. Откуда взялся монастырь и куда потом делся, никто толком объяснить не мог. Даже в краеведческом музее не нашлось ни одного документа, подтверждающего подлинность знаменитой легенды. Подполковник Сперанский, уйдя в запас, прибыл на постоянное место жительства в родной город Сартов и решил поселиться на берегу пруда, облюбовав местечко, где пруд примыкает к сосновой роще. Подполковнику удалось доказать местным властям, что здесь когда-то находилась усадьба его прадеда и посему самовольно снесённое монахами строение должно быть возвращено законному владельцу. Если не строение, то хотя бы земля, на которой это строение размещалось. Подполковник милостиво

согласился не засыпать пруд, но обнёс его высоким забором и на том успокоился. Народные массы, конечно, возмущались, но запасной офицер был неумолим, а предоставленные им документы безукоризненны.

— ...шеф сказал следующее, — продолжал Михаил Исайчев, — подполковник Сперанский ушёл в запас из части, базирующейся на территории бывшей союзной республики. Часть была прикреплена к научно-исследовательскому институту, и там разрабатывалось и испытывалось ядерное оружие. В Конторе, куда шефа вызывали бо-о-ольшие зелёные генералы, — Исайчев устремил взгляд вверх, указывая место расположения упомянутого учреждения, — приказано первоначально отработать криминальный след. Сперанский отошёл от дел лет десять назад. После армии работал в фирме своей сестры, когда ушёл оттуда, больше не работал нигде.

— Ничего себе, — удивился Роман Васенко, — за это время бывший подполковник мог натворить всё, что угодно.

— Совершенно верно, — подтвердил Михаил. — На это и делают акцент зелёные генералы, вернее, на это надеются. Не хотят господа военные стряхивать со своих погон навоз. Посему криминальный след обрабатываем первым,

но если вдруг потянет душком из его служивой жизни, дело у нас заберут. А пока мы будем землю рыть. Причём рыть в мелкую пыль. Криминалисты что-нибудь откопали? Ты у них был?

Роман утвердительно кивнул и, не вставая со стула, вытащил из сейфа листы бумаги со шрифтом, в нескольких местах помеченным красным фломастером. Разложив их на столе, он готов был зачитать заключение экспертов, но Михаил прервал его:

— По бумагам долго, давай коротко, своими словами! С женой поговорил? Как она? Кто ещё есть в усадьбе из домочадцев? Давай не только экспертизу, но и собственные впечатления, — выстрелил скороговоркой Исайчев.

Собственные впечатления? Собственное впечатление — это распластанное тело человека с лицом, прикрытым белым напитанным кровью полотенцем да старые истоптанные тапки. Толстушка-криминалист, бесстрастно вытряхивающая из карманов синей атласной пижамы убитого подполковника, обертки шоколадных конфет. Рядом с телом кусок хлеба и откусанная котлета. А вокруг благоухание осенних бархоток, нежный звук воды, льющейся из декоративного водопада. Пруд с оркестром поющих лягушек и дом, полный спящих туда-сюда работников следственной группы. Вот и все

впечатления, подумал капитан Васенко, но сказал другое:

— С женой поговорил, но необстоятельно. В данный момент в усадьбе, кроме жены, ещё и дочь Вера. Она постоянно проживает в городе Дивноморске. Сейчас приехала в гости — собиралась сопровождать мать к морю в Турцию.

— Во как! — удивился Исайчев, — живет в Дивноморске у моря Черного, а на пляжи ездит в Турцию, к Средиземному. Почему?

— Разберёмся. Пока спросить не получилось... — заверил Васенко и, взяв со стола один из листков, побежал по нему глазами, выхватывая отдельные абзацы. — Убийство произошло между двадцатью четырьмя и часом ночи с субботы на воскресенье. Отпечатков пальцев нет ни на ручке калитки, ни на пистолете. Перед калиткой — асфальт, а так как погоды стоят не по-осеннему сухие, следов тоже нет. Выстрела никто не слышал: ближайшее заселённое строение далеко. Жена погибшего страдает каким-то заболеванием суставов — ходит очень медленно и с трудом. Интересно, Михал Юрич, вот что! После того как муж привозил её с работы (у неё свой бизнес), госпожа Сперанская, устав от трудов праведных, поднималась на второй этаж и больше на первый не спускалась. Предпочитает не ходить, сидит в скворечнике, роется в интернете. Хватились

мужа только к середине ночи. Он не поднялся поцеловать её перед сном — это показалось ей странным. Я спросил, почему поинтересовалась только к середине ночи? Оказалось, в этот период суток в интернете «бесплатное время» и госпожа Сперанская очень занята — ищет новые товары для своего магазинчика... Заработалась...

— В семье есть необходимость таким образом добывать средства к существованию? — уточнил Исайчев.

— Судя по обстановке и великолепию окружающей среды, средства от продажи побрякушек (она занимается недорогой бижутерией) не делают погоды в финансовом благосостоянии семьи. Из её рассказа очевидно: маленький бизнес госпожи Сперанской больше хобби... и возможность, как она выразилась, находиться в «социуме»...

— О как?! — крикнул Исайчев и ткнул пальцем кнопку электрического чайника. — Продолжай...

— Чтобы предварительно нащупать круг общения потерпевшего, я коротко поговорил с дочерью. Получилось, что добытчиком средств в семейный бюджет был в основном подполковник. Его военная пенсия, их прошлые накопления, а также приработки Сперанского позволяли им жить не особенно кучеряво, но достойно. Супруга, сама

по себе женщина сложная, немногословная, её страдания по мужу свелись в основном к одной фразе: «на что я теперь буду жить?». Она бросила её дочери с таким выражением лица, как будто та убила отца...

— О как! — опять крикнул Исайчев. — Продолжай...

— Сам подполковник Сперанский чаще всего обретался на первом этаже. Он заядлый киноман. Его коллекция кинофильмов размещается в трёх специально сделанных от пола до потолка шкафах. Я краешком залез в компьютер, там особо ничего нет, только программа для упорядочения коллекции, сложная и накрученная. Программу поддерживает и регулярно заполняет проходящий специалист... Теперь уже приходил...

— Фамилию программиста уточнил или не успел?

— Обижаешь! Я перебрал ящик стола подполковника. Вот где порядок! Всё по папочкам, по коробочкам разложено. В договоре о программном обеспечении значится фамилия Сахно Сергея Викторовича...

— Пробивал?

— Вот это не успел... Подполковник, как и супруга, много времени проводил в интернете, общался с такими же, как он, любителями кино и ещё с садоводами. Посмотрел журнал посещений,

тоже ничего интересного — одни киноманы и огородники. Дома Сперанский с женой разговаривали друг с другом по сотовому телефону — с этажа на этаж. Ты понял, как шагнул прогресс? Скоро детей зачинать будем по сотовому телефону... Про детей я, конечно, пошутил, но вот про общение можно подумать, а то моя, как заполучит меня в хату, так и тюкает, тюкает: «тыбыто», «тыбыэто»...

Михаил, усмехнулся, посмотрел на сослуживца. Столько лет его знает, иногда завидует его способности переключаться от рабочих вопросов на бытовые. При этом успевает и там, и там высказаться, не теряя первоначальной нити разговора. У Исайчева так не получается. Они совсем разные: Михаил старается не принимать опрометчивых и поспешных решений, он выдержан и рассудителен, в экстремальных ситуациях «берёт паузу» и тщательно обдумывает предстоящие действия. Это происходит у него без каких-либо усилий — он такой от природы. Роман же не терпит медлительности. Он энергичный, работоспособный, с богатой мимикой болтун. Задумчивость Михаила иногда раздражает Васенко. Исайчев удивляется, как при такой любви к женскому полу он к тридцати годам женат только раз. Вот и сейчас Михаил представил себе, как Роман понуро бредёт к двери, чтобы открыть её очередной жениной

подружке:

— Роман Валерьевич, ты хочешь, чтобы тебя хватились через три часа, после того, как услышишь звонок в дверь?

— Эх, сравнил! Моя половинка тут же увидит, если меня грохнут. У нас от дивана до двери не больше пяти метров. Это тебе не хоромы Монаховой усадьбы.

— Получается, не за что зацепиться. На поверхности ничего не лежит?

— Когда при заказном убийстве что-либо на поверхности лежало?

— Считаешь, заказ?

— Нет, убийца просто так зашёл пострелять...

— Ищи подход к жене, тормози, разговаривай её. Она вообще в состоянии беседовать по существу, может...

Беседовать по существу? Роман вспомнил, как он настойчиво требовал от приехавшей в усадьбу по приказу вдовы некой Галины Николаевны, оказавшейся бухгалтером её фирмы, немедленно пропустить его к вдове. Он использовал все варианты самых обворожительных улыбок, затем все варианты недовольных физиономий, вертел перед носом бухгалтера фиолетовое удостоверение, но к Стефании Петровне допущен не был. Галина — верный страж, стояла в проёме двери и твердила одно:

— Вы, господин следователь, должны понимать состояние Стефании Петровны, она мужа потеряла-а-а... Говорите отсюда, отсюда слышно всё... всё... всё слышно...

— Стефания Петровна! — крикнул Роман, — когда вы будете готовы к разговору? Мне нужен с вами визуальный контакт...

— Задавайте свои вопросы, молодой человек, я вас вижу, — голос вдовы звучал так близко, что Роман понял — она за ширмой в этой же комнате. — У меня неотложные процедуры... я принимаю ножные ванны...

Роман задал несколько коротких вопросов и получил на них конкретные, четкие и скупые ответы.

— Что ты спросил, Михал Юрич? — выскочил из воспоминания Роман.

— Я спросил, в состоянии ли вдова сейчас беседовать по существу.

— Она в состоянии! — подтвердил Роман Исайчеву. — По моим ощущениям, госпожа Сперанская подполковник похлеще, чем её супруг. Генерал в юбке... формулировки краткие и без особенных эмоций. Будто мужа не у неё убили, а у соседки...

— Что с оружием? — слишком деловито, с начальственными нотками в голосе спросил

Исайчев, отчего Роман с любопытством взглянул на коллегу. Следователи в нерабочее время общались между собой, и у Романа сложилось мнение о Исайчеве, как о свойском парне. Михаил в свои тридцать пять лет ещё ни разу не был женат, посвящал себя работе, а вне работы просиживал в архиве следственного комитета — искал материал для диссертации. Но со временем, из разговоров, Роман утвердился во мнении, что Михаил не столько искал материал, сколько копался в интересных, порой каверзных делах, уже раскрытых опытными сыщиками старой закалки.

— Однако та же картина, что с отпечатками и следами — ничего! — так же строго по-деловому продолжил Роман. — Пистолет переделан из газового в боевой. Умелец над ним колдовал не ахти какой. Пистолетик, можно сказать, одноразовый. На один выстрел, ну, в крайнем случае, на два — ствол с трещиной, его только в утиль... Все опознавательные знаки спилены и зачищены.

— Вот! — Исайчев подмигнул сослуживцу и вскинул руку с вытянутым вверх указательным пальцем, — а ты говоришь ни-че-го! Смотри, что мы уже знаем: пистолет самодельный — это раз. В связи с этим предполагаю, что убийца мужик, сам себе игрушку сделал — это два. Далее: убийце нужен был один выстрел. Только один! Он знал,

что Сперанский, увидев его, не побежит, петляя, не закричит от страха. Подполковник знал убийцу и не боялся его — это три. А главное, убийца — не профессионал, Сперанский сам подвел его к этой черте и делал это на протяжении долгого времени. Сперанский его личный враг. Причем сам подполковник никогда не брал его в расчет, он для него был мелкой фигурой — это большое четыре. Ищите, господа, камни на каменоломне...

— С чего ты так решил?

— С того, что домофон в коттедже старого образца без видеокамеры, а на двери калитки большой, с обзорной линзой, глазок. Сперанский в это время суток обязательно посмотрел в глазок и изучил пришельца. Он не открыл бы незнакомцу. Он прекрасно осведомлён об отношении к нему окружающего населения...

— Откуда ты знаешь про глазок? Ты ж там ещё не был...

— Зато я оч-ч-чень внимательно рассмотрел фотографии с места происшествия, так-то, сынок! Ты когда договорился беседовать с женой погибшего?

— Когда? — Роман встал из-за стола, вынул из сейфа два пакетика зелёного чая, положил их в стаканы, залил кипятком. — Криминалисты на месте преступления припахивали с ночи, меня на зорьке подтянули. Я неумытый, ненакормленный...

Сейчас чайку попью и поползу обратно беседы беседовать. Твои планы на сегодня?

— Давай так, — Михаил легко вошёл в роль командующего. — Дотемна осталось часа два-три, ты свои текущие дела, те, что вчера наметил на сегодня, доделай, а уж завтра с утра — к жене и дочери, а я — к сыну. Сперанский-младший — крупный банковский служащий. Я с ним созвонился — в десять ноль-ноль он ждёт.

Васенко кивнул в знак согласия и, обмакнув кусочек сахара в чашку, запихнул его в рот, причмокнул:

— С детства люблю вприкуску... Мама всегда шутила: «Ты, Ромка, не чай с сахаром пьёшь, а сахар с чаем». Эх, надо же — забыл! Я посмотрел память сотового телефона подполковника, у него за последнее время и вообще за всё время нет ни одного вызова и ни одной посылки вызова никому, кроме его жены. Его к ней, а её к нему.

— Правда? Как интересно... Предполагаю, что Сперанский по жизни нелюдим. Или слишком любим собой, если к пенсии всех знакомых растерял. И это пять! Круг поиска в этом случае, надеюсь, будет не велик. Пстой, а как же дети?

— Именно.

— Значит, они общались с родителем по городскому телефону.

— В усадьбе не установлен городской

телефон и, предугадывая твоё следующее предположение, отвечу — второго сотового телефона у него не было, ну, по крайней мере, его жена об этом ничего не знает...

— И как? — Михаил в недоумении состроил брови домиком.

— Этот вопрос будет первым, который ты задашь на встрече с сыном погибшего.

— Слушаюсь, начальник, — Исайчев вскинул ладонь, отдавая честь собеседнику, — но и ты тоже не обессуди, спроси у дочери, как она общалась с отцом из Дивноморска без телефона? Кстати, поинтересуйся: отчего в разгар сезона, в сентябре, девушка сорвалась с работы и прибыла в Сартов. Она вроде работает в гостинице на туристах. Сопровождать мать в Турцию? Как-то неубедительно звучит. Подполковник вроде не очень занятым человеком был. Он не мог сопровождать супругу?

— Про работу дочери где узнал? Успел посмотреть досье на родственников? Наш пострел везде поспел? — вкладывая в вопрос достаточное количество иронии, спросил Васенко.

Исайчев махнул рукой:

— Пострел поспел! Шеф на совещании зачитывал справку на потерпевшего, из неё и узнал. Иди уже...

Когда за Васенко закрылась дверь, Михаил

откинулся на спинку стула и всмотревшись в облако, болтающееся за окном кабинета, задумался. Так, вглядываясь в облака, наблюдая за изменением их причудливых форм, Михаил приучил себя отрешаться от внешнего мира. Не нравились ему дела «особой важности». Дела, в которых надо постоянно оглядываться, прислушиваться к чьему-то высокопоставленному мнению, всегда чувствовать за собой пригляд. Дело не нравилось Михаилу ещё и тем, что совсем не было улик. Ни-ка-ких! По опыту он знал: там, где нет улик, всегда много разговоров и писанины, тома писанины. Приходится много и долго копаться не в обстоятельствах дела, а в обстоятельствах, предшествующих обстоятельствам дела. Иногда предшествующий период очень длительный и изнуряюще нудный. Завтра на встрече с сыном погибшего начнётся как раз такой период разговоров, из которого Михаил должен выудить хоть что-то, что прольёт свет на причины гибели подполковника Сперанского.

Глава 2

Прежде чем протянуть руку для приветствия, начальник кредитного отдела банка «Русский капитал» Олег Леонидович Сперанский вытер ладонь о брюки, чем породил в голове Исайчева

первое недоумение. Сперанский-младший указал Михаилу на кресло метрах в трёх от его собственного стола:

— Присаживайтесь, это самое удобное место, — сказал он, нажимая кнопку вызова секретаря. — Нас, как я понял, ждёт важная беседа. Располагайтесь...

И здесь у сыщика возникло второе недоумение: до него донёлся алкогольный запах приблизительно суточной давности. Источником этого запаха был хозяин кабинета. Михаил всмотрелся в гладко выбритое лицо Олега Сперанского и заметил едва видимую фиолетовую сосудистую сеточку на носу и щеках, суховатую кожу лба. Она была ещё не пористой и дряблой, но напряжённой и при вялой расслабленности других мышц лица делала физиономию Сперанского вытянутой.

— Э-э-э, парень, да ты алкоголик, — с сожалением подумал Исайчев. — Скверно начинается моё расследование...

В дверь постучали и, не дожидаясь разрешения, в щёлке приоткрытой двери появилась кудрявая женская голова. Олег Леонидович извиняющимся тоном, попросил:

— Подойди, Машенька...

Когда женщина выполнила просьбу, совсем тихо сказал:

— Кофейку нам налей с зёрнышками. Меня ни с кем не соединяй, пока не скажу. Управляющего о важной беседе я предупредил. Вы с сахаром пьёте? — Сперанский перевёл взгляд на Исайчева.

— Если не жалко, то с сахаром...

Олег Леонидович растерянно улыбнулся:

— Не жалко, не жалко. Машенька два с сахаром в больших чашках и про зёрнышки не забудь.

Пока банкир отдавал распоряжения, Михаил продолжал рассматривать собеседника. Парень был молод, лет тридцати пяти. Первое, что бросилось в глаза: Олег Леонидович был похож на молодого Максима Галкина, такой же чернявый, кудрявый, с такими же выразительными карими глазами, которые увеличивались за счёт очков с большой диоптрией. Правда, ростом Сперанский-младший перещеголял звезду российской эстрады. Он был высок, под два метра, и сутул.

Кабинет, в котором работал сын подполковника, был большой, но при этом уютный, с кожаной мебелью и витиеватой металлической стойкой для цветов. Цветы в керамических горшках были в основном разными сортами герани. Они цвели крупными яркими шарами и пахли. Машенька, покидая кабинет, прошла мимо цветочной стойки и привычным жестом провела

рукой по резным листьям растений, отчего в помещении резко запахло лимоном. Сперанский одобрительно кивнул.

Михаил глубже вдвинулся в мягкое кресло, расслабился и с грустью подумал:

— Лимонная герань, такая была у бабушки... Она говорила, что герань выгонит из дома любой неприятный запах, даже запах жареной капусты..., — Исайчев ещё раз взгляделся в лицо Сперанского. — Жаль. Хорошая должность, персональный кабинет, прекрасные характеристики, и все это может пойти коту под хвост... Жаль...

Машенька кофе принесла скоро, ловко подкатила к Михаилу маленький столик, поставила на него блюдечко с большой чашкой вкусно пахнущего напитка. Перед начальником Машенька поставила два блюдечка: одно с чашкой кофе, другое с кофейными зёрнами.

Сперанский ссыпал зёрна в ладонь и, резко отправив их в рот, принялся энергично перемалывать челюстями.

— Люблю очень крепко, очень крепко, — произнёс хозяин, суетливо прихлёбывая мелкими глоточками горячий кофе, при этом стараясь не смотреть на гостя.

Исайчев тоже отпил кофе. Подождал, когда Олег Леонидович вернёт свою чашку на место,

сказал:

— Давайте сразу договоримся, у нас с вами беседа без протокола. Вы можете отвечать только на те вопросы, на которые захотите. Когда последний раз вы общались с отцом?

— Я в курсе своего свидетельского иммунитета. Только мне скрывать нечего. Общались с отцом? — Сперанский снял очки и знакомым Михаилу движением помассировал указательным пальцем переносицу, вернул очки на место. — Виделись, как всегда, в прошлую субботу с двенадцати до трёх дня. Общались — это не то слово, которым можно охарактеризовать наши с отцом отношения.

Михаил решил не перебивать собеседника. Олег Леонидович вопросительно взглянул на следователя и, не получив следующего вопроса, продолжил:

— Уже много лет, ровно с того дня, как отец построил на Монаховом пруду усадьбу я, пользуясь его терминологией, прибываю в его распоряжение для производства хозяйственных работ по благоустройству вверенной территории. Обязанность производить данные работы, опять-таки выражаясь на воинском диалекте, предполагает возможность в будущем получить данную территорию в мое распоряжение. То бишь переводя на русский разговорный — хочешь

кататься — любви и саночки возить. Будь она неладна, эта территория! Меня родители не удосужились спросить, имею ли я желание жить среди их садово-огородного великолепия. Я вполне доволен городской квартирой, и мне ее хватает с лихвой. Тем более, что большую часть жизни я провожу здесь, в банке...

Олег Леонидович сделал ещё несколько быстрых глотков, открыл ящик стола, вынул пачку сигарет и жестом предложил их Михаилу.

— Спасибо, накурился перед визитом к вам, не хотел здесь дымить!

— Хорошо, — хозяин кабинета бросил пачку обратно в стол. — Тогда я тоже не буду. Итак, вы спросили, когда я общался с отцом. В эту субботу. Я всегда строго подчиняюсь заведённым им правилам. Мы убирали отцветшие однолетники, подкрасили бордюры и так далее. Единственное, что не позволяет мне делать отец — это стричь газон. Газон для него священная корова. Только сам! Работаем мы обычно молча. Не о чем, знаете ли, разговаривать... Посему я вкладываю в слово «общались» несколько отличное от отцовского понятие. Мы виделись! А чтоб общаться — никогда!

— Так решили вы?

— Да ну! — Сперанский тихонько хихикнул в кулачок. — Я многое в этой жизни решаю сам, но

не в семье отца. В усадьбе я из ферзя превращаюсь в пешку.

Михаил удивился:

— Как вы сказали, «не в семье отца»? Разве это не ваша общая семья?

— К сожалению, нет. У нас, если можно так сказать, «клан Сперанских», состоящий из нескольких семей. Моя семья — это я, жена и сын. Есть семья родной сестры отца — это была Мила Михайловна, её дочь Ольга и её внучка Зося. Есть дочь моего отца — моя сестра Верушка, и есть семья отца — моя мать Стефания Петровна и мой отец, подполковник Сперанский. Мы все духовно, а Верушка ещё и физически, отдельные семьи, соприкасаемся друг с другом по необходимости. Ах, да, забыл! Есть ещё бабушка — мать моего отца и мать покойной Милы Михайловны. Но бабушка больше относится к семье Милы, чем к семье отца. Она живёт в доме Милы.

— Как давно умерла сестра вашего отца? — Исайчев недоумевал: почему в справке, зачитанной на совещании шефом, ничего не сообщалось о сестре потерпевшего.

— Она покончила жизнь самоубийством полгода назад. У неё был рак. Хотя меня её решение удивило. Тётка была железобетонной женщиной. Мне всегда казалось, что кто-кто, а она не сдастся. А здесь раз — и все... Странно это...

Правда, лечилась Мила долго и тяжело. Устала, наверное. Фамилия Ленина, вам ни о чем не говорит?

Исайчев вспомнил: Ленины — известная в Сартове фамилия. Мила Михайловна, женщина ростом «с ноготок», ещё в начале 90-х создала в городе крупную фирму «Всё для новорожденных». Долго была депутатом областного Совета. Часто воевала с губернатором. Разветвлённая сеть её магазинов детского питания под общим названием «Милое дитя» кормила не одно поколение родившихся малышей. После дефолта Мила с нуля построила швейную фабрику по пошиву одежды и приданного для новорожденных и параллельно успела воспитать дочь Ольгу Ленину — на сегодня успешного и известного в городе адвоката. Похороны матери Ольга Ленина провела без помпы, совсем тихо. Наверное, поэтому Михаил пропустил это событие, тем более что после смерти Милы Михайловны её фирма продолжала успешно работать. Бизнес Лениных был одним из крепких и успешных в Сартове.

— И все-же вы как-то странно отделяете отца и вашу маму ото всех остальных родственников. — Исайчев покрутил в руках пустую чашку, поставил её на столик и тут же получил от собеседника вопрос:

— Ещё кофе или повременим?

— Пока повременим. Вы конфликтовали с отцом?

— У моего отца по отношению ко всему человечеству в обиходе было всего три глагола, — ухмыльнулся Сперанский. — Не замечать — это относилось ко всем, кто не входил в сферу его интересов, использовать — это те, с кем отец соприкасался по жизни, и любить — это по отношению к одному человеку на свете — моей матери. Он называл её Шахерезадой и всегда рядом с ней мяукал, как майский кот. Верушка, к сожалению, подпадала под глагол не замечать, а я — использовать. По поводу конфликтов? Разве можно конфликтовать с пустым местом — это я про себя... Знаете, как отец проходил в доме мимо меня? Как мимо закрытой на замок двери. Закрыто значит закрыто и нечего рваться. Хотя с другой стороны двери в неё ломился я, головой стучал. Когда повзрослел — понял, он сам закрыл её на замок от меня. Закрыл и ключ выбросил, так-то...

— Олег Леонидович, где вы были в субботу вечером с одиннадцати тридцати до часа ночи? — этот вопрос Михаил планировал задать Сперанскому последним, но после его признания не удержался и спросил.

— Ух ты! — Олег выпрямил сутулую спину. — Я ждал, что вы об этом спросите, но не думал, что так рано. Я, знаете ли, был пьян и в

непотребном виде валялся у себя в квартире. Подтвердить этого никто не может. Жена с сыном уехали к матери по причине ненавистного отношения к алкоголю. Но я не убивал отца. Я для этого хлипок. Всегда боялся его и всегда хотел, чтобы он меня, наконец, заметил не только как рабочую силу. Персоной хотел стать в его глазах — и не успел! Вот здесь, — Сперанский похлопал ладонями по подлокотникам кресла, — я персона! У меня, как говорят, голова под банковское дело заточена, поэтому и терпят. — Он пододвинул ближе к себе оброненное с блюдечка кофейное зёрнышко и щелчком отправил его в дальний угол кабинета. — Знаете, как меня дразнил отец — «Хлипо к», не «Хлюпик», а именно «Хлипо к». Эть-геть.

— Что вы сейчас сказали? — не поняв последней фразы, переспросил Михаил.

— Я сказал «эть-геть» — любимая присказка отца. Если у него что-то получалось, он, пританцовывал и говорил: «эть-геть». Мы с Верой, а иногда и мама, не знали, что случилось у отца, но были уверены — раз звучит «эть-геть», значит он где-то что-то провернул и ему всё удалось.

— Оригинально, — усмехнулся Михаил, — тогда прошу вас предположить, кто мог?

Олег Леонидович на мгновение задумался:

— Я совсем не знал жизни отца — не был

допущен. По маминым оговоркам иногда понимал, что у отца были какие-то косяки с сослуживцами, с сестрой Милой Михайловной в конце её жизни. Но тут понятно — он мать бросил. Свою мать — нашу общую бабушку. Просто перестал её замечать. Забыл о её существовании. Бабуля ведь не сразу стала умом мешаться. Мила говорила, она ждала его. На каждый телефонный звонок бегала. Тётя ему попеняла. Однажды, видимо, крепко выговорила. Я был тогда в доме, когда он разговаривал с Милой по телефону в последний раз. Оборвав разговор, он с такой злостью бросил запасные ключи от Милиного коттеджа в мусорное ведро, что оно треснуло. После этого разговора они вообще перестали общаться. Как только мы вернулись из армии, друзей-сослуживцев и однокурсников он постепенно удалил из дома. Маму очень ревновал...

— Она давала повод?

— Она давала повод уже тем, что прохладно относилась к нему самому. Любое проявление хоть малой теплоты к кому-либо другому вызывали у отца истерику. Он даже к нам, детям, её ревновал. Шпынял все время. Да, вот ещё! — Сперанский обрадовался тому, что вспомнил. — Какие-то люди иногда мазали забор усадьбы краской, писали слово «захватчик». Я думаю, ребятня, которой хотелось искупаться в пруду. Но это было давно. Года два

уже никто не вспоминал истории с Монаховым прудом. Надписи тогда же исчезли. В прошлом году я их уже не видел...

— Говорят, пруд начал зарастать? — вставил вопрос Исайчев.

— Он оказался бесполезным для мамы. — Сперанский всё же вынул пачку сигарет из ящика стола, вытянул из неё одну сигарету и закурил.

Михаил помнил Монахов пруд с детства. Мальчишкой он с друзьями в самую жару убегал из дома, чтобы покататься на тарзанке. Для крепления тарзанки они выбирали на берегу самое могучее дерево с толстыми ветвями. К дереву привязывали пожарный шланг, который кто-то из ребят загодя стащил с пожарного щита в школе. Шланг прятали здесь же под корнями, в заранее выкопанной яме. Мишка — самый высокий и крепкий, забирался на дерево, прилаживал шланг к стволу. Ему же давалось право первому полетать над водой. Исайчев долго помнил то состояние восторга и ужаса, которое рождалось внутри во время прыжка в воду с сильно раскачавшейся тарзанки. Потом, позже, на пруд стал бегать его младший брат Витька. Однажды мальчишка вернулся домой молчаливый с синяком на спине. Михаил не стал сразу расспрашивать брата — захочет сам расскажет. Прошла неделя. В воскресенье Витька проспал до одиннадцати часов, проснулся, но не

побежал, как всегда, в ту пору, с ребятами на пруд. Тогда Михаил не выдержал, спросил. Оказалось, пруд обнесли забором, ребята не смирились и выломали в нём дыру. Очень хотелось искупаться! Витька первым проник на территорию, и тут на него набросился дядька. Он накинулся на братишку и палкой ударил по спине. Михаил, как старший брат, пошёл разобраться, но ни тогда, ни позже ему никто калитку не открыл. Эти воспоминания притащили другие, Михаилу припомнились слова стихотворения одного из друзей детства, того, с кем катался на тарзанке: «За все приходится платить, и просто глупо горячиться, и недостойно мелочиться, когда придет пора платить...»

Михаил дождался, когда после долгой затяжки Сперанский выдохнет сигаретный дым, спросил:

— Чем не угодил пруд вашей маме?

— У неё ревматоидный артрит. Опухают суставы. Боли сильные, иногда совсем не может ходить, — просто, почти равнодушно ответил Олег. — В то время кто-то доложил отцу, что пруд наполняется талыми водами и подземным ключом с особым составом воды, полезной для мамы. Плавание в нём должно было облегчить её страдания. В результате оказалось — блеф. Сейчас отец ищет средства на домик в Дивноморске. Маме помогает морская вода. Верушка живёт в

Дивноморске на съёмной квартире. Мама к ней не ездит. Не хочет жить в чужих стенах. Поэтому я плачу семье отца ежемесячный оброк в виде двадцати процентов от заработка. Отец складывает их в коробочку, на которой написано: «Домик в Дивноморске». Кредит взять не могу, уже взял на квартиру для своей семьи. Что теперь будет с мамой? Кто с ней будет тетёшкаться? Ума не приложу. Знаете, с кем вам обязательно надо поговорить — с Ольгой — папиной племянницей, дочкой Милы. Мила знала всех приятелей отца. Они её обожали. Потом по жизни с отцом они разошлись, а Милу помнили и регулярно её навещали. Ольга их тоже всех знает и с теми, кто обосновался в Сартове, общается до сих пор. Она и отцу помогала как адвокат отыскать документы на землю под Монаховым прудом. Потом что-то обнаружила в его жизни такое, после чего тихо отошла от этого дела, ссылаясь на занятость.

— Как же он пробил в одиночку землю с Монаховым прудом? Оттяпать у города такой лакомый кусок, это, я вам скажу, иметь надо бо-о-льшой административный ресурс...

— Или безупречные документы и характер отца. Добиваться того, что с трудом дается — кредо подполковника. Он — долдон. Долбил в одно место, пока не получилось эть-геть.

— Я понял, спасибо. Вы поможете мне с

телефоном Ольги Лениной? Хотелось бы с личным, — попросил Исайчев. — Думаю, по общедоступному клиентскому номеру дозвонюсь не скоро...

Сперанский-младший достал из кармана пиджака сотовый телефон и, секунду поколебавшись, набрал номер:

— С похорон Милы не виделись, — уточнил он, пока шла посылка вызова, а затем бодро и даже радостно заговорил:

— Олёшка, привет! Как жизнь, не спрашиваю — представляю, сам в кипятке варюсь... Я вот по какому поводу: здесь у меня в кабинете старший следователь по отцову делу, хочет с тобой пообщаться. Ты как? — и выслушав ответ, передал Исайчеву трубку.

Трубка заговорила приятным женским голосом, с мелькающими начальственными нотками:

— Приветствую вас, Михаил Юрьевич, прошу к себе послезавтра в девять тридцать, другого времени на этой неделе я не выберу. Как, подходит? Где моя контора, знаете?

Исайчев утвердительно кивнул и, спохватившись, послал вдогонку:

— Да, да, конечно, я буду. Дорогу найду, — нажав отбой, Михаил с удивлением посмотрел на Сперанского, — разве вы назвали Ольге моё имя?

— Нет, — усмехнулся Олег Леонидович. — Не назвал... Но не удивлён. Ольга — отличный адвокат, кропотливый, въедливый. Все, что касается семьи, она знает наперёд. А уж кто будет вести дело её дяди, Ольга точно знала раньше, чем вы его получили...

— Интересно, интересно..., — Михаил попытался вспомнить лицо адвоката Ольги Лениной, наверняка видел её на процессах. — Она ведёт уголовные дела?

— Нет, — кратко ответил Сперанский. — Она специализируется по гражданским делам и делам неумелых автоводителей. Ну, что, ещё по кофейку?

— Нет, спасибо, — отрицательно покачал головой Михаил. — Надо успеть в усадьбу к вашей маме. Там беседует с вашими домочадцами мой коллега. Хочу поучаствовать, — Исайчев подошел к двери и, прежде чем её открыть, обернулся. Сперанский-младший не смотрел вслед уходящему сыщику, он отрешённо отгрызал ноготь на указательном пальце.

Глава 3

К дому подполковника Сперанского вела узкая асфальтовая дорога шириной, рассчитанной не более чем на одну легковую машину. Михаил замешкался, выискивая место для парковки, и,

чтобы как-то притулиться, пришлось ткнуться носом автомобиля во всё ещё не срезанный пионовый куст. Хозяин постарался — густо усадил ими внешнюю сторону забора. Исайчев с осторожностью покинул машину и пошел, выбирая, куда наступить, чтобы минимально повредить зелёные насаждения. На тропинке огляделся и заметил приближающуюся с другой стороны фигуру, похожую по стати и походке на сослуживца Романа Васенко. Васенко был среднего роста, кряжистый увалень с простецким доброжелательным лицом и острым, даже колким взглядом серо-голубых глаз.

Роман тоже заметил Михаила, помахал рукой, крикнул:

— Ку-ку, я тут!

— Ба! Ты ещё только сейчас тут? — удивился Михаил, по привычке сложив брови домиком. — Где тебя носило всё это время? Прогуливаешь? Я думал, ты здесь уже всё разведal — убийцу нашёл, а ты только приехал...

— Извините, Михал Юрич, — с шутливой подобострастностью склонил голову Васенко, — жена внезапно заболела. Не успел выйти из комитета, как она телефонным звонком поймала меня в дежурке. Пришлось ребёнка в школу отвозить, едва успели ко второму уроку. Извини, ты же знаешь, я не злоупотребляю... — и, посмотрев,

как друг припарковал машину, разочарованно буркнул: — Я свою далеко кинул, не решился подъехать — двум машинам здесь не разойтись. Ты как думаешь, не накарябают на капоте что-нибудь неприличное? Место-то глухое.

— Гарантировать ничего не могу. Накарябают? Здесь, дружок, убивают, — ехидно заметил Исайчев. — Всё. Хватит прохлаждаться — начинай работать. Жми кнопку звонка...

Калитку следователям открыла среднего роста и возраста женщина с черной повязкой на голове, кожаных черных брюках и короткой косухе с избыточным количеством металлических кнопок, цепей и прочих украшений. Отступая назад и впуская следователей, она сухо спросила:

— Это вы звонили сегодня утром по папиному делу? Мама вас ждёт. Она там, в качалке, — женщина рукой показала направление, в котором находилась упомянутая качалка. — Я вам нужна?

— Если вы дочь подполковника Сперанского, то обязательно. Проводите нас, — Роман пропустил женщину вперёд. — Скажите, кроме вас и мамы, в доме кто-нибудь проживает сейчас?

— В этом доме, кроме отца и мамы, никто давно не проживает, — вздохнула она и тут же поправилась: — не проживал. Я приехала забрать маму на море, в Турцию.

— Почему в Турцию, вы сами, насколько я знаю, живёте на побережье Черного моря в Дивноморске, — разглядывая дочку погибшего, спросил Михаил, но ответ получил не от дочери подполковника, а от её матери. Хозяйка полулежала в кресле, подвешенном на цепях к массивной металлической удочке. Кресло из-за большого количества мягкого наполнителя, походило на припухлую крышку большой морской раковины, в центре которой, покоилась состарившаяся жемчужина.

«Вот какая вы, вдова подполковника — женщина за ширмой», — подумал Роман, огляделся вокруг, выискивая взглядом Галину Николаевну и осведомился:

— Где сегодня ваш страж, Стефания Петровна?

— Уж не думаете ли вы строить из себя обиженную кисейную барышню, господин следователь? — сурово посмотрев на Романа, спросила хозяйка усадьбы. — В данном случае неуместно. Присаживайтесь... — Она жестом указала Роману и Михаилу на две маленькие скамеечки, стоявшие у её ног, на третью поодаль села дочь.

Стефания Петровна Сперанская даже в своём почтенном возрасте была необычайно хороша. Встречаются женщины, прекрасные лёгкой

ангелоподобной красотой, вдова же подполковника получила в дар от природы красоту тяжёлую, оставляющую в памяти зарубку. Широкие чёрные, уходящие стрелами к вискам брови обрамляли миндалевидные с тёмными зрачками и коричнево-жёлтой радужной оболочкой глаза. Глаза не большие, но восхитительные, очерчены длинными, бросающими тень на подглазья ресницами. Крупноватый с тонкой спинкой нос и пухлые свекольного цвета губы на узком овальном лице делали Стефанию Петровну похожей на восточную красавицу Шахерезаду.

— По поводу нашего моря так, — менторским тоном изрекла Стефания Петровна. — Оно не удовлетворяет меня в санитарно-гигиеническом отношении. Своего домика с куском берега на черноморском берегу у нас нет и теперь уже не будет, но это не повод ехать на общественные пляжи и купаться в грязной луже. В Турции мы уже многие годы останавливаемся в маленьком частном отеле, в бухточке. Там все так, как я люблю.

«Шахерезада,... — с восхищением подумал Михаил, пристраиваясь на неудобную скамейку. — Других стульев специально не ставит — королева любит, чтобы все были у её ног...»

Роман тоже с интересом рассматривал хозяйку.

— Вы Стефания Петровна, жена

подполковника Леонида Михайловича Сперанского? — наконец устроившись, спросил Михаил.

Стефания Петровна резко вскинула подбородок, сверкнула глазами:

— Бывшая жена бывшего подполковника. В данный момент я его вдова!

— Прошу прощения, — поспешил извиниться Михаил, — хотелось бы побеседовать с вами, Стефания Петровна, о Леониде Михайловиче пока без протокола. Это возможно?

— Спрашивайте, что смогу рассказать — расскажу...

— Есть что-то, что вы не хотели бы нам говорить? — как можно мягче спросил Роман.

— Наша жизнь с Леонидом, молодой человек, никогда не была общедоступной книгой. Я отвечу вам только на те вопросы, на которые посчитаю нужным ответить.

— Но вы должны...

Стефания Петровна неожиданно вскинула руку и оборвала Романа:

— Насколько я знаю, по закону я имею право не свидетельствовать против себя и своих родных. Это так?

— Это так! — поспешил заверить хозяйку Михаил. — Мы хотели первоначально поговорить с вами о погибшем, не прибегая к официальному

языку и процедуре протокола...

— У вас не получилось! — Стефания Петровна вскинула голову и теперь смотрела на сыщиков в щёлки прикрытых век. — Ну же, давайте ваш вопрос!

«Так, — подумал Михаил, — задушевной беседы не получится, хозяйка выпустила острые шипы».

— Хорошо, — примирительно произнёс он, — давайте напрямую: что вы думаете об убийстве мужа? Может быть, у вас есть на этот счёт какие-либо догадки, версии?

Стефания Петровна стала причмокивать губами будто сосала леденец, потом обвела всех, кто сидел у её ног насмешливым взглядом, останавливаясь поочерёдно на каждом, включая дочь:

— Что думаю я? — по-вороньи каркнула Стефания Петровна. — Что я думаю? А думаю я только то, что его убили выстрелом в лоб!

Она закрыла глаза узкой ладонью и вздрогнула. Михаилу показалось, что Стефания Петровна заплакала, и только выражение лица Веры, подсказало ему, что это не так.

— Мама, давай закончим это побыстрее... — попросила дочь. — Когда нам отдадут тело отца для погребения?

— Позвоните завтра экспертам, —

откликнулся Роман. — Я думаю, приблизительно через трое суток вам дадут разрешение на захоронение. Как правило, в таких ситуациях кремацию запрещают.

— Мы и не собирались его кремировать. Он не язычник, — вдова опустила руку, её глаза были совершенно сухими. — Продолжим. Вы, вероятно, хотели спросить, были ли у мужа враги? Или просто людишки, которые захотели его убить? Я не размышляла на эту тему, точнее, меня мало интересовала жизнь моего мужа за пределами этого забора.

— А в пределах забора? — неожиданно ошетинился Роман. — В пределах этого забора появлялись люди, которые желали вашему мужу зла?

Женщина бросила на Васенко быстрый взгляд и внезапно резко встала. Развернувшись на негнущихся с опухшими синеватыми лодыжками ногах, и шаркая тяжелыми ортопедическими ботинками, пошла к дому, на ходу резко выбрасывая слова:

— В пределах этого забора обитает только одна хищная пантера — это я! Но я его не у-би-ва-ла! Слышите меня? Не у-би-ва-ла!

— Мама! — воскликнула Вера. — Прекрати. Люди хотят разобраться. В конечном счете, это их работа. Они обязаны найти убийцу отца!

— Пусть дочь вам расскажет всё, что знает. Мне нездоровится, — уже более миролюбиво, но по-прежнему сухо сказала Сперанская. — К Ольге не отправляй... Эта такого наговорит, из грязи не вынырнем... Хотя не пойму, зачем? Он пахал на них три года, как раб на галерах...

Стефания Петровна тяжело одолела три ступеньки порога и скрылась за звонко хлопнувшей дверью. Пока хозяйка поднималась, следователи с восхищением смотрели ей в спину. Если бы не тяжёлая болезненная походка, Стефания Петровна вполне сошла бы за молодую женщину. Вера так же смотрела вслед уходящей матери.

— Ваша мама, вероятно, в молодости была хороша? — спросил Роман Васенко, оборачиваясь к дочери, и тут же поймал себя на мысли, что Вера не похожа на мать ни лицом, ни фигурой.

Вера — женщина, возраст которой определялся просто: немного за тридцать. Рыхлая фигура, короткие ноги, лицо с тонкими выщипанными бровями, маленькие глазки у широкой переносицы, короткие и редкие ресницы, густо накрашенные тушью, нарисованный не по контуру губ малиновой помадой рот.

— Мама не была — она и есть красавица, — резко отрезала Вера. — Во всяком случае, папа был в этом убеждён и любил её до самозабвения. Он говорил: «Моя королева». Она действительно

королева, мне иногда казалось, что мама родилась не в то время и не в той семье...

— Она любила вашего отца? — памятуя разговор с вдовой и вкладывая в вопрос достаточную долю иронии, спросил Васенко.

— Он не был её мечтой, — пояснила дочь. — У мамы сложный характер. Она однажды решила, что здесь всё подчинено её воле. Так и жила...

— Здесь — это где? — уточнил Роман.

— Здесь за забором, господин следователь, — Вера пристально посмотрела на Романа, — у них с отцом здесь отдельно взятое королевство. Папа любил её всю жизнь, а она любила другого человека. Он погиб за три месяца до их свадьбы. Мама иногда, когда отца не было в усадьбе, рассматривала его юношеские фотографии в военном училище, особенно групповую. Я однажды подглядела за ней, пыталась понять, на ком она заостряет внимание. Отец на курсе был самым красивым парнем. Загляденье! Но она рассматривала другую часть фотографии, совсем не ту, где был он. Даже пальчиком поглаживала. Я по глупости спросила. Она на меня так рявкнула, думала, голову снесёт...

— Она умеет рявкать? — усмехнулся Михаил.

— Что? — переведя взгляд с Романа на Михаила, переспросила Вера.

— Рявкать? — уточнил Исайчев.

— На меня и Хлипка нет, — отрицательно покачала головой Вера, приводя в движение многочисленные серёжки. — То был единственный раз. Поэтому я удивилась и запомнила тот случай. Меня и Хлипка она любит. На другого кого рывкнуть могла запросто. Особенно если завидует...

— Завидует? — удивился Роман, — вот уж никогда бы не подумал! Она же королева, а зависть — удел плебеев. А кто такой Хлипо к? Я что-то недослышал? Судя по вам, господин начальник, про Хлипка вы уже знаете больше, чем я. Да?

— Хлипо м домочадцы зовут сына подполковника, Олега Сперанского-младшего. — ответил Михаил, рассматривая сад.

Сад стоил того, чтобы его рассматривать. Он был слишком ухоженным, можно сказать, вылизанным. Без единого сорного растения, не к месту положенного камешка. Аккуратно выстланные цветной плиткой дорожки расходились от центральной клумбы пятью солнечными лучами. Четыре лучика заканчивались небольшими площадками, на каждой из них стояли кресло, столик и зонтик. Пятый лучик упирался в пруд и уходил деревянным мостком дальше в воду. Сад, заселённый группками сосен и голубых елей, источал густой аромат хвои.

«Всё для удобства королевы, — подумал Михаил, — надо же, всё по линейке! Гарнизонная

чистота и порядок».

Даже цветы подчинялись воинской дисциплине и росли не в том месте, где в прошлом году просыпали семя, а по предписанию. Бордюры сверкали свежей краской и не имели ни единой трещинки. Забор, увитый виноградной лозой и геометрически правильными гроздьями созревших сизо-черных ягод, завершал картину примерного сада.

— Райские кущи, да и только! — подвел итог осмотру Михаил.

— Да! — подтвердила Вера, — отец любил порядок и приказ, особенно если этот приказ отдавал он.

— Почему вы уехали из дома в Дивноморск, Вера? — спросил Михаил, развернувшись к дочери Стефании Петровны.

Она, как показалось Михаилу, на секунду растерялась, но быстро взяла себя в руки:

— Я должна отвечать? Какое это имеет отношение к несчастью с отцом?

— Должны, — пояснил Роман. — Пока следствие не располагает устойчивой версией, нам интересно всё. Любая мелочь.

— Моя учёба в Экономическом институте на факультете экономики туризма закончилась восемь лет назад. Пять лет я трудилась здесь, а три года назад отец послал меня на разведку в город

Дивноморск, приглядеть домик. Почему в Дивноморск? Мама ткнула пальчиком в карту, и я поехала. Матушке необходимы морские ванны. Домик в первый год я не нашла. Те, что предлагались и подходили, были дороговаты. У отца не образовалось такой суммы. В Дивноморске я огляделась и решила не возвращаться. Устроилась в гостиницу работать с туристами. Родители поначалу были против, но в этот раз я не уступила.

— Вам понравился город? — уточнил Роман.

— Терпеть его не могу! Но там для меня нашлась работа и квартира, которую оплачивал отец при условии, что я буду на стрёме и в конечном счете найду подходящий дом. Там меня никто не прессовал. Знаете, как даётся вся вот эта красота? — Вера повела рукой, указывая на сад. — Отец выносил весной выращенную им рассаду бархоток, тысячу штук, а то и более, натягивал верёвочки и заставлял меня высаживать их на клумбы, строго соблюдая равное расстояние друг от друга. Не успеваю до ночи, отец включал прожектора, но работа должна была быть закончена. И так во всём. Уехала к подружкам и нечаянно забыла кофту на стуле — он заставлял вернуться и повесить её в шкаф. Ворчал, что мама больна и ей тяжело поддерживать порядок. На всю жизнь запомнила правило — порядок бьёт класс! Только тогда я была девчонкой, а не как сейчас —

взрослой халдой. Мне свободы хотелось! Сейчас всё это счастье по пригляду за порядком в усадьбе достаётся Хлипку. Бедный Хлипок! Правда, должна отдать должное отцу, он сам работал, как трактор, наводил красоту, — Вера неожиданно с силой ударила себя ладонью по колену. — Всё это было тогда, когда ему требовалась помощь или когда он замечал беспорядок в доме. В остальное время для господина подполковника меня не существовало, только мама.

— Вера, а почему вы в день убийства не ночевали дома? — Михаил, чтобы погасить раздражение женщины, старался говорить, как можно спокойнее. Но оказалось, ещё больше её взбесил.

— Мне тридцать лет! Я могу ночевать хоть под забором! И до этого не должно быть никому дела! Я ведь не замужем... — серёжки в ушах Веры звучали резко и враждебно.

«Как она выдерживает этот колокольный звон в ушах?» — подумал Михаил, а вслух, не меняя тона, произнёс, — в данном случае вы не правы, в данном случае нам очень важно, где вы были с двадцати трёх тридцати субботы до часа ночи воскресенья.

Вера всплеснула руками и засмеялась, всхлипывая:

— Господи, как же я забыла, я должна

доказать своё алиби! Вы что? Серьёзно думаете, что я могла убить человека, который меня кормил, поил, одевал? Хотя... — женщина закрыла лицо ладонями и, покачиваясь из стороны в сторону, почти шепотом проговорила: — если бы я осталась здесь жить, то, наверное, могла...

— Вот с этого места поподробнее, — встрепенулся Роман.

Но сразу услышать ответ сыщики не смогли. Вера сжалась и тихо-тихо завывала, будто запела:

— Господи, как же я его ненавидела... Как же я его ненавидела... И мама, мама знала...

Сыщики ждали, когда она успокоится и заговорит. Вера, справившись с волнением, открыла лицо, глубоко вздохнула и резко выдохнула.

— Всё. Извините..., — она дрожащей рукой поправила на голове траурную повязку и, обтерев ладонями мокрые щёки, продолжила: — я всегда удивлялась, почему другие отцы ходят на родительские собрания, катаются со своими чадами на лыжах, играют с ними в футбол, а наш — никогда! Однажды возвращаясь с занятий, я увидела, как папа моей одноклассницы встретил её у школы, поднял на руки, расцеловал в обе щёки. У меня был ступор. Мой отец ни разу даже не погладил меня по голове. Мама объяснила это просто — он такой! Но с ней он был другой. И чем дальше, тем больше. Он не имел никакого права! —

Внезапно громко закричала Вера. — Он, ублюдок, не имел никакого права так со мной обращаться! Я ему кто, слу...? — она будто споткнулась, оборвав фразу на полуслове, а затем, так же, как и накануне Стефания Петровна, резко встала и, стуча себя кулаком в грудь, завизжала ещё громче: — я ночевала у своей подруги Анны Подберезкиной! Ещё вопросы есть?

— Хватит истерить... — тихо приказал Михаил.

— Ч-ч-что?! — заикаясь, спросила Вера.

— Хватит истерить! Это ты его...?

— Нет. Я правда его не убивала... Я правда была в другом месте, — всхлипывая, растирая ладонью по щекам тушь, произнесла Вера. — У Анны Подберёзкиной. Долго не виделись. Хотелось пообщаться. Только вы опоздали, Анна два часа назад улетела в Турцию. Она улетела, а мы нет...

— Ещё вопрос можно? — поднимаясь со скамейки и будто не замечая волнения женщины, спросил Роман, — Стефания Петровна как-то неуважительно говорила о дочери сестры вашего отца, Ольге Лениной. Между ними были неприязненные отношения?

— У Ольги спросите, она в курсе. Мне, кажется, у них с отцом последние два года вообще никаких отношений не было, а там как знать. Давайте заканчивать, я что-то устала...

Она быстро пошла по направлению калитки.

— Погодите, — окликнул её Михаил. — Нам надо попрощаться с вашей мамой и задать ей последний вопрос.

— Крайний вопрос, — поправил начальника Роман.

* * *

Дверь в спальню Стефании Петровны была слегка приоткрыта. Вера сунула голову в щель, тихонько спросила:

— Мама, ты спишь?

— Уже нет, — голос Стефании Петровны звучал сердито. — Чего топчешься? Входи. Эти ушли?

— Нет! Им надо задать тебе вопрос...

— Ладно, пусть войдут...

Следователи вошли. Стефания Петровна лежала поверх одеяла на широкой двуспальной кровати, по обе стороны которой в больших напольных вазах увядали букеты цветов. Шторы мягкими волнами падали вниз, создавая в комнате полумрак. Свет из единственного слухового окна в крыше высвечивал голову Стефании Петровны на синей атласной подушке. В этом свете, ограниченном прямоугольником окна, её лицо казалось неестественно бледным, даже немного

голубоватым.

— Мы пришли сказать вам «до свидания», — Михаил подался чуть вперёд в надежде помочь хозяйке, если та решит встать, но Стефания Петровна только повернула к ним голову. — Мы всё же должны задать вам...

— Кто мог убить? — резко перебила хозяйка и опять, как в начале разговора, неожиданно пронзительно каркнула: — Я знаю это точно!

— Стефания Петровна, тут вы совсем не правы, — слова Михаила утонули в звоне серёжек Веры.

— Мама-а-а! — взвыла Вера, умоляюще сложив руки лодочкой. — Ну, пожалуйста, не фантазируй. Ты не можешь этого знать...

Стефания Петровна хрипловато рассмеялась:

— Знаю, но не скажу, не скажу! Даже если будете меня пытаться. Разберётесь — подтвержу. Нет и суда нет! Эть-геть... — сказала хозяйка дома, гневно выплёвывая слова. — Всё! Разговор без протокола закончен!

Глава 4

— Баба-яга! — в сердцах бросил Роман, когда они с Исайчевым вышли за калитку. — Там, в спальне под крышей, я даже перепугался. Ты заметил, Михал Юрич, у неё никакой скорби или

просто печали. Та ещё штучка госпожа Сперанская. Забьюсь на что хочешь — она в этом деле запачкана. Ты не разделяешь? По поводу того, что она знает убийцу, кажется, блефует. Раззадоривает нас — хочет, чтобы мы быстрее шевелились... Чего молчишь?

— Поедем, где-нибудь перекусим, Рома, я страшно голодный... — мягко положив руку на плечо коллеге, попросил Михаил.

— Нет, ну надо же, какая... Лично меня это настораживает, — пропустив мимо ушей просьбу Михаила, продолжил тему Роман. — А тебя?

— Докладываю, у них отца убили... Каждый реагирует по-разному. Эти так. Но если честно, мне тоже не нравится...

Роман в недоумении пожал плечами:

— Мы что ли его убили? Зачем на нас-то крыситься?

— Думается мне, Роман, она, возможно, знает значительно больше, чем сейчас сказала. Но странно даже не это, а то, что она не хочет, чтобы мы разобрались. Как ты думаешь, почему?

— Ну ты даешь, Михал Юрич, у неё мужа убили, а она не хочет, чтобы разобрались. Что-то ты, друг, не в ту сторону думать начал, а...

— Хорошо хоть начал думать. У меня, когда я голодный, насчет думать редко бывает, — задумчиво произнес Михаил. — Мне показалось,

или у неё действительно было странное лицо, как будто она торжествует. Как-будто с неё камень сняли, и в то же время она сожалеет...

— Тебе нужно съесть «Сникерс», ты совсем плохой стал. Сам-то понял, что сказал? Торжествует, сожалея!

— Вот! Молодец, Роман Валерич! Правильно — она сожалеет, торжествуя... Дело обещает быть интересным...

— Ничего не понял, — озаботился Роман. — Ладно, поехали к Вадиму, я здесь недалеко на трассе кафе видел.

— Ты знаешь этого Вадима, он нас не отравит?

— Лично не знаю, но на строении написано «Кафе у Вадима».

* * *

Припарковав машины рядом с витриной кафе, следователи заглянули через стекло внутрь и обнаружили, что заведение пусто. Бармен с официанткой сидели на высоких барных стульях, беззаботно болтали, попивали кофе. Следователи вошли и уже миновали гардеробную стойку, когда Роман неожиданно рукой преградил путь Михаилу и приложил указательный палец к губам:

— Постой, — прошептал он. — Они о

Сперанском судачат. Смотри на стекло витрины, видно всё как в телевизоре.

— Слышал, Сашка, — звенела ломающимся голосом молоденькая официантка. — В усадьбе у Монахова пруда кого-то грохнули. — Она перекрестилась и поплевала через левое плечо.

Бармен подлил в чашку с кофе чуточку желтовато-коричневой жидкости, из стоящей рядом бутылки и, гордясь своей осведомленностью, сказал:

— Не кого-то, а хозяина усадьбы — подполкана в отставке. Помнишь, он у нас здесь шухер наводил: требовал, чтобы мы с обочины мусорные баки убрали...

— И чё?

— Да ничё! Мужик зловредный попался, все перед носом у Вадима красной корочкой потрясал. Вадик помойку убрал.

— Чё он придирался? — не унималась официантка, — его усадьба где, а наше заведение где? Он ещё в Москву поехал бы порядка наводить...

— Настырный, говорю тебе, был мужик. За это, верно, и грохнули. Нос совал туда, куда не надо...

— И сильно грохнули? — продолжала любопытничать официантка.

— Сильно! — округлил глаза бармен

Сашка. — Навсегда грохнули, насмерть!

— Что делается, а-а-а, — заныла девушка, — у моей подруги жениха на той неделе покалечили...

— Насмерть?! — поинтересовался бармен.

— Да нет, голову бутылкой проббили...

Роман убрал руку и подтолкнул Михаила к входу в гостевой зал:

— Пошли, дальше для нас неинтересно...

Бармен Сашка заметил гостей, легонько толкнул официантку в плечо, указывая взглядом на новых посетителей.

Михаил с Романом осмотрелись. Заметили тихое местечко в углу зала, рядом с окном, и направились туда.

Официантка торопливо пошла гостям навстречу, при этом широко улыбалась малюсеньким ртом, похожим на клювик голубя.

— Мы вас заждались, заждались... — фамильярно щебетала она, — садитесь, где глянется, везде можно. Кушать хотите или как?

— Давайте начнём с «или как», — попросил Роман, усаживаясь на жёсткий стул. — Предлагайте! С чем у вас сегодня «или как»?!

— Да с чем хотите! Любой каприз за ваши деньги... Яичницу можем пожарить...

— И это всё ваше «или как»? — нарочито грустно спросил Михаил.

— А чё я вам в этот час могу предложить,

кухня только раскошегарилась...

Михаил вспомнил подслушанный разговор, извлёк из заднего кармана брюк тёмно-бордовое удостоверение работника Следственного комитета и развернул его на уровне глаз официантки:

— Нам две яичницы с прожаренным луком. Лука много — хорошо прожаренного, два кофе такого, который сейчас пили вы и ваш бармен, но без коньяка, а на сладкое — директора.

— В смысле? — опешила официантка. — Мы ж ничего ещё не сделали. Зачем директора беспокоить? Если вы про Сашку, то он сэкономленный коньяк в кофе добавлял...

— На ком экономленный? — уточнил Роман миролюбиво улыбаясь.

— Ну, тот... — замялась официантка, — что клиенты в бутылках оставляют... мы его сливаем...

— Так, всё... — оборвал девушку Михаил, — не надо подробностей. Вам повторить заказ?

— Не стихи, запомнила, — буркнула официантка и мелкими шажками побежала к служебной двери.

Через короткое время из неё выкатился шарообразный бритоголовый мужчина в джинсовых брюках, ремень которых надёжно скрывался под складкой вислого живота, и появлялся ближе к спине. Яркая футболка хозяина оцетинилась портретами двух злых куриц.

— Игорь, директор, — мужчина порывисто протянул руку для приветствия сначала Михаилу, затем Роману. — Чем мы провинились? Сейчас всё исправим! Яишенку вам тотчас сделают в лучшем виде...

— Почему Игорь? — удивился Роман. — У вас на вывеске написано «У Вадима». Присаживайтесь, Игорь. Разговаривать будем. Кафе отжали?

Директор суетливо втиснулся в узкое пространство между стулом и столом, присел, застыл, изучая лица незваных гостей.

Роман кашлянул, повторил громче:

— Кафе, уважаемый, отжали или перекупили у Вадима?

— Не-не-не, мы вдвоём строили, на кровные. Я и Вадим. За мной в этом заведении кухня, за ним всё остальное. Вдвоём как-то сподручнее. Вам на нас жалобу кинули? — Игорь смастерил на лице страдальческую гримасу, но вдруг оживился и начал смешно шмыгать носом, принюхиваясь. — Яишенку несут. Сготовили уже...

— Несложным для вас оказалось блюдо, — пробормотал Михаил. — Курице было труднее...

Из-за ширмы у барной стойки вышла уже знакомая официантка, в руках она несла поднос, уставленный тарелками. Там же стоял графин из прозрачного стекла с янтарной жидкостью.

— Вот это уберите, — указал пальцем на графин Михаил.

— Сэкономленный? — поинтересовался Роман.

Официантка пошла красными пятнами и недовольно зафырчала.

— Убери, — буркнул хозяин.

Приказание было немедленно выполнено.

— Скажите, — приступая к зовущей вкусными запахами яичнице, спросил Роман, — вы подполковника Сперанского знаете?

— Кого? — Игорь опять состроил недовольную гримасу, но вдруг спохватился, вскрикнул, — как же не знаем! Знаем ещё как! Он, гад, решил нас извести. Убил бы! Ой! Так его, говорят, позавчера кто-то грохнул...

— Чем же он вам не угодил — или вы ему? — Роман хлебным мякишем вытирал доньшко тарелки.

Игорь, наблюдая за рукой Романа, сглотнул слюну и жестом подозвал к себе официантку:

— Ещё по порции?

Следователи одновременно кивнули.

— И мне принеси, — чиркнув взглядом по лицу официантки, приказал директор.

— Вам, Игорь Ильич, как всегда? — угодливо спросила она.

— Мне, как им! — гаркнул директор и